

Стихотворная молитва как часть религиозного дискурса

О. П. Касимова*, Г. Ф. Хуснутдинова

Башкирский государственный университет

Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, улица Заки Валиди, 32.

**Email: olgakasyмова@yandex.ru*

Исследование личной молитвы в религиозном дискурсе приводит к выводу, что в русской поэтической традиции этот тип дискурса стал активно развиваться в XIX веке. В русском религиозном дискурсе стихотворная молитва опирается на классическую молитву и сохраняет такие ее черты, как обращение к высшей силе, наличие просьбы, лексику религиозной сферы, выражающую концепты Бог, ад, рай, грех, дух. В то же время ритуальная традиция молитвословия заменяется на личное произведение автора без прямой опоры на канонический образец. Системообразующими являются уже такие понятия, как страх, закон, наказание, любовь, в ней сильно лирическое авторское «я».

Ключевые слова: религиозный дискурс, молитва, стихотворная молитва.

Стихотворная молитва занимает особое положение в жанровой системе русской поэзии. Это уникальный феномен, находящийся на стыке языка религии и языка литературы, он занял достойную нишу в поэзии «золотого века». Вслед за О. А. Переваловой, мы понимаем под молитвенным типом религиозного дискурса медитативный фон, в рамках которого происходит акт молитвенной коммуникации, направленный на идею Богообщения, который содержит определенный комплекс тем, выраженный в изложении просьбы, благодарности или прославления [6, с. 8]. По мнению О. П. Касимовой, многие тексты религиозного дискурса до сих пор сохраняют «свою этическую значимость благодаря выражению общечеловеческих ценностей, их духовность способствует формированию гуманистической идеологии, в целом они имеют большое воспитательное значение» [5, с. 113].

Стихотворенные «молитвы» представлены в творчестве русских поэтов XIX в., например, А. С. Пушкина, Н. М. Языкова, А. А. Нартова, М. Ю. Лермонтова и др. Сопоставление их с оригинальным жанром религиозного дискурса позволяет установить, что главной языковой особенностью, указывающей на подобие двух жанров (канонической молитвы и вторичного стихотворного произведения) являются лексические, грамматические и композиционно-текстовые признаки. Это использование императива (например, *спаси, сохрани, благослови*) и звательного падежа имени (например, *О Боже; твари всей создатель*), который выполняет функцию обращения. Композиционно образующими элементами выступают просьбы, которые составляют значительную часть содержания. Просительный элемент в тексте актуализируется в побудительных

конструкциях, которые проявляются в императивной глагольной форме 2 лица единственного числа вместе с распространителем, который, как правило, выражен абстрактным существительным. Это такие слова, как *терпенье, любоначалие, празднословие, прегрешенья, мир, страдание*. Элементом православной молитвы служат оптативы, которые также проявляются и в некоторых лирических вторичных стихотворениях молитвенного жанра (например, *да будет, да снидет*). Связь лексики канонической и стихотворной молитвы проявляется в том, что в той и другой присутствует лексика, отражающая ключевые концепты религиозной сферы (*молю, Боже, благослови, прости, душа, грех, дай*). Эти понятия являются системообразующими. По степени принадлежности к религиозному дискурсу Е. В. Бобырева выделяет концепты первичные и вторичные. Первые характеризуются тем, что первоначально принадлежали только к религиозной сфере, а затем стали использоваться и в нерелигиозной среде. Примерами первичных концептов являются *Бог, ад, рай, грех, дух*. Вторичные же концепты используются как в религиозной, так и в светской, мирской среде с явным превалированием функционирования в светской среде. Примерами таких концептов служат *страх, закон, наказание, любовь* [1, 2].

Наиболее близки к жанру православной молитвы переложения и стихотворные молитвы, максимально ориентированные на молитвенный канон. Они отличаются от традиционной молитвы лишь ритмической структурой (например, «Молитва А. К. Нартова и «Молитва» Ю. Жадовской 1844 г.). Остальные стихотворения-«молитвы» можно считать результатом использования поэтами в своих целях новой литературной жанровой формы, а значит, явлением стилизации.

Ю. В. Жадовская

Молитва

Мира Заступница, Матерь всепетая,

Я пред Тобою с мольбой:

Бедную грешницу, мраком одетую,

Ты благодатью прикрой.

Если постигнут меня испытания,

Скорби, утраты, враги, —

В трудный час жизни, в минуту страданья,

Ты мне, молю, помоги.

Радость духовную, жажду спасения

В сердце мое положи;

В царство небесное, в мир утешения

Путь мне прямой укажи.

При сравнении структуры православной молитвы и стихотворения Ю. В. Жадовской обращают на себя внимание общие элементы. Соответствует жанровому канону пра-

вославной молитвы настроенность на диалог с сакральной сущностью, номинация, данная Богоматери (является общеупотребительной в православной молитве), слово (Мира Заступница), максимальное понижение собственного индивидуального статуса (грешница), лексика, образность, сюжетная составляющая религиозного дискурса.

Данная «Молитва» наиболее созвучна православной молитве. Неслучайно в диалоге с этим поэтическим текстом был рожден духовный кант, исполняемый в Знаменском соборе г. Кемерово, который был услышан известной исследовательницей молитвенной лирики Э. М. Афанасьевой. Таким образом, данное стихотворение является удивительным примером вхождения личной молитвы, воплощенной в лирике, в православную среду.

Начало стихотворения «молитвы» ознаменовывается имясловием, связанным с актуализацией сакрального имени. В явление актуализации входит религиозное представление сакральной номинации, указывающее на идею спасения и материнского заступничества. В номинации «Мира Заступница» можно выделить функциональный, прагматический аспект почитания Богородицы, а в метафорической номинации «Мать всепетая» сверхчеловеческий характер ее власти, выражение которого актуализирует традиционный для своего канонического первоисточника элемент – восхваление (Мать всепетая). После изложения цели обращения следует покаянный элемент, в составе которого выделяется традиционное для религиозного дискурса максимальное понижение собственного индивидуального статуса (грешница). Данная лексема подкрепляется в стихотворении метафорическим образом (мраком одетая), который также соответствует интенции религиозной картины мира (восходит к древнерусскому летописанию и агиографии). Следом лирическая героиня продолжает метафорический ряд в изложении первой просьбы: «благодатью прикрой» (благодать – божественный дар человеку во спасение), т.е. разворачивает нам образ, который означает «спаси».

Вторая строфа заключается в изложении обстоятельств, указывающих на нечто потенциально возможное в грядущем при помощи союза *если* в соединении с глаголом в форме будущего времени *постигнут* и личным местоимением в Р. п. *меня* с последующим градуальным однородным рядом возможных трудностей (*испытания, скорби, утраты, враги*). Характерное нарастание проявляется в проявлении трудностей жизненных ситуаций: «испытания» – трудности, необходимые для преодоления; «скорби» – крайняя печаль; «утраты» – невосполнимая потеря; «враги» – отчуждение. Описание переживаний, сосредоточенных в микрокосме лирического субъекта, воплощенных в стихотворении «молитве» в лексемах «испытания», «скорби», «утраты», переходит в заданную модель преодоления враждебности объектов макрокосма (враги). Волнения микрокосма лирической героини являются внутренней реакцией на события из макрокосма, т.е. извне. Формой преодоления ненастий судьбы служит проси-

тельная интенция, воплощенная в императиве *помоги*, сопряженная с верой в ее осуществление трансцендентной сущностью. В молитве возникает мотив времени, мотив фрагмента жизни, в котором разные испытания могут переживаться в соответствии с разными темпоральными категориями. В соответствии с силой человеческого испытания лирическая героиня определяет «минуту страдания» и «трудный час жизни».

Лирическая героиня понимает спасение в духовности. Молитвенный дискурс определяет традиционное направление, которое обуславливает переход от земных страданий к пониманию веры в качестве спасительного маяка, переходящего в интенцию, связанную с последней просьбой лирической героини: «*В царство небесное, в мир утешения / Путь мне прямой укажи*», актуализирующую образ Богоматери как защитницы, Заступницы всего мира и путеводительницы в Царство Небесное.

К синтаксическим особенностям текста Ю. В. Жадовской относится инверсия (*мраком одетая; радость духовная, путь мне прямой укажи*), контекстная градация (*испытания, скорби, утраты, враги*).

Образность молитвенного текста создается благодаря изобразительным средствам, которые представлены в стихотворении метафорами (*Мать всепетая, грешница мраком одетая, благодатью прикрой, трудный час жизни, минута страдания, жажда спасения, царство небесное, мир утешения*), эпитетами (*Мира Заступница, Мать всепетая; бедная грешница, мраком одетая; трудный час; радость духовная; царство небесное*).

Первая часть «Молитвы» Ю. Жадовской созвучна ритуальной традиции молитвословия. Соответствует канону православной молитвы и номинация, данная Богоматери, – «Мира Заступница» (частотный эпитет, данный Богоматери в религиозном дискурсе), и элемент восхваления или иначе славословие «Мать всепетая», тождественное молитвенному «О, всепетая Мати». Мотив покрова («Ты благодатью прикрой») является символом охранного влияния Богоматери, а благодать – сакральным даром, данным человеку во спасение. Помимо раскрытия поэтессой в стихотворении пласта религиозного дискурса, также осуществляется переосмысление стихотворений-«молитв» предшественников. Диалог осуществляется с «Молитвой» (1837 г.) М. Ю. Лермонтова, в которой также лирический субъект обращается с молитвой к иконе Божьей Матери с целью спасения своей любимой.

В творчестве многих поэтов XIX в. жанр молитвы приобретает характер личного произведения автора без прямой опоры на канонический образец. Но, даже не опираясь на него непосредственно, эти личные произведения несли на себе черты общего строя канонов молитвы. Таким произведением, например, стало стихотворение Н. М. Языкова «Молитва», написанное 12 апреля 1825 г. :

Молю святое провиденье:

Оставь мне тягостные дни,

*Но дай железное терпенье,
Но сердце мне окамени.
Пусть, неизменен, жизни новой
Приду к таинственным вратам,
Как Волги вал белоголовый
Доходит целый к берегам.*

Николай Михайлович Языков (1803–1847) – один из ярких представителей золотого века русской поэзии, он называл себя «поэтом радости и хмеля». «Молитва» представляет собой обращение к высшей силе, Богу, с просьбами. Н. М. Языков не просит избавить от врагов и тягот жизни, он, напротив, говорит: *«Оставь мне тягостные дни»*. Это можно объяснить тем, что истинно верующий человек считает, что страдания и трудности в этой жизни – это залог памяти Бога об этом человеке, залог его любви к нему. Он молит всевышнего даровать ему *«железное терпение»*, укрепить его внутренне, лишив слабости, которая, по его мнению, заключается в его сердце, поэтому он просит высшую силу: *«Но сердце мне окамени»*. Таким образом, ему требуется позволение стать неуязвимым внутренне, хотя к внешним трудностям жизни он готов. Цель жизни Языков видит в том, чтобы сохранить свою нравственную сущность, индивидуальность: *«Пусть, неизменен, жизни новой Приду к таинственным вратам»*.

В стихотворении содержится прямая просьба. В составе речи лирического героя частотны императивные глагольные формы: *молю, оставь, дай, окамени*.

Язык «Молитвы» Н. М. Языкова в грамматическом и лексическом отношении максимально приближен к современному языку, в нем встречается только одно слово с неполногласием (*врата*).

Стихотворение Н. М. Языкова насыщено изобразительно-выразительными средствами: эпитетами (*святое провиденье, тягостные дни, железное терпенье, таинственные врата, белоголовый вал*), сравнением (*Как Волги вал белоголовый Доходит целый к берегам*), инверсией (*жизни новой врата*).

Таким образом, на протяжении XIX в. наблюдается развитие личного молитвословия в русской поэзии. Недаром русский философ И. Ильин считал, что русская поэзия «вместила в себя глубочайшие идеи русской религиозности и сама стала органом национального самосознания» [3; 4, с. 174]. Произведениях этого жанра сохраняется связь («генетическую», по О. А. Переваловой [6]) с канонической молитвой: обращение к высшей силе, наличие просьбы, лексика религиозной сферы и пр. Вместе с тем отчетливо осознается, что это молитвенная стилизация, в ней сильно лирическое авторское «я» с новыми в XIX в. мотивами уныния, размышления, отчаяния, надежды. Этот жанр характеризуют направленность на индивидуализацию, отведение значительной роли внутренней речи. Образность, распространенная в религиозном дискурсе, сюжет,

нацеленность на коммуникацию с трансцендентной сущностью – это лишь молитвенная стилизация, в обрамлении которой находится личностная интенция автора.

Литература

1. Бобырева Е. В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения). Волгоград: Перемена, 2007.
2. Бобырева Е. В. Сферы функционирования и особенности религиозного дискурса // Мир науки, культуры, образования. №5 (42). М., 2013. – С. 296–298.
3. Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта. Исследование в 2-х томах. Париж, 1953. М.: "Русская книга", 2002. URL: <http://psylib.org.uabooks/iljii01/index.htm> (дата обращения 29 марта 2019 г.).
4. Ильин И. А. Россия в русской поэзии // Ильин И. А. Одинокий художник. Статьи. Речи. Лекции. М., 1993. – 496 с.
5. Касымова О. П. Истоки русского языка как источник духовности / О. П. Касымова // Православный ученый в современном мире. Ценности православного мира и современное общество. Материалы IV Международной научно-практической конференции. Т. 1. Солоники, Греция 25–26 сентября 2015 г. Воронеж: ИСТОКИ, 2015. – С. 112–114.
6. Перевалова О. А. Стихотворная молитва в русской поэзии XIX века: жанровая динамика и типология. АКД Екатеринбург, 2015. 28 с. URL: <http://cheloveknauka.com/v/587913/a/#?page=1>.

Статья рекомендована к печати кафедрой теории языка и методики его преподавания Башкирского Государственного университета (канд. пед. наук, доц. А. М. Ямалетдинова).

Poetic prayer as part of religious discourse

O. P. Kasymova*, G. F. Khusnutdinova

Bashkir State University

32 Zaki Validi Street, 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.

**Email: olgakasymova@yandex.ru*

A study of personal prayer in religious discourse leads to the conclusion that in the Russian poetic tradition, this type of discourse has been actively developed in the nineteenth century. The poetic prayer is based on the classical prayer and retains such features as the appeal to the higher power, the presence of a request, the vocabulary of the religious sphere, expressing the concepts of God, hell, heaven, sin, spirit in the Russian religious discourse. At the same time, the ritual tradition of prayer is replaced by a personal work of the author without direct reliance on the canonical sample. Such concepts as fear, law, punishment, love are already system-forming, there is a strong lyrical author's "I" in it.

Keywords: religious discourse, prayer, poetic prayer.